

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Продается

случайная

смерть

МОСКВА

2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Продаётся случайная смерть / Мари-
на Серова. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-96377-5

В тихом уютном Тарасове один за другим начи-
нают исчезать молодые привлекательные мужчины.
Следствие разрабатывает версию о религиозной секте
нового типа, объявившей сафари на живых людей.
К делу подключается частный детектив Татьяна Ива-
нова — единственная, у кого хватает терпения разга-
дывать загадки преступников вроде ковбойской шля-
пы, забытой на месте преступления, или телефонных
звонков с несуществующих номеров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М. С., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-96377-5

ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

Скорый поезд Астрахань — Москва мчался среди лугов, полей и зарослей кустарников. Я возвращалась из Астрахани в Тарасов, закончив свое очередное расследование. Так получилось, что преступница пришлось отлавливать вдали от родного города. Пейзаж за окном радовал буйством зеленых, красных и желто-оранжевых красок — такое бывает лишь осенью. Впрочем, не только в природе. Я перевела взгляд на свою соседку по купе, сидевшую напротив меня. Это была дама слегка за пятьдесят с весьма пышными, прямо-таки рубенсовскими формами. Крупные локоны необычайно рыжего цвета красиво ниспадали на шею и удивительно гармонировали с одеянием женщины — свободного покроя ту-

ником, которая переливалась практически всеми цветами радуги.

— Аделаида Леонидовна Хмельницкая, — сказала дама и протянула мне руку, как делают мужчины при знакомстве.

Рука оказалась мягкой и нежной, с ухоженной кожей. Я машинально пожалала ее и в свою очередь представилась:

— Татьяна.

— А отчество? — строгим голосом учительницы спросила женщина.

— Татьяна Александровна, — ответила я.

Хмельницкая продолжала выжидательно смотреть на меня, и я поспешила добавить:

— Иванова. Татьяна Александровна Иванова.

Аделаида Леонидовна удовлетворенно кивнула. Мне почему-то показалось, что сейчас она скажет, как на уроке: «Садись, Иванова».

— Но можно просто Татьяна, — предложила я.

— Да, пожалуй, можно, — согласилась Хмельницкая, — ведь вы еще такая молодая! А вот мы с Бориславом Константиновичем — это мой муж, — уточнила она и кивнула на мужчину, который сидел у окна

и читал газету, — мы уже старики. Ведь так, Борислав?

Тот неопределенно пожал плечами и продолжал читать газету.

— Татьяна, вы едете в Москву или в Тарасов? — спросила Хмельницкая.

— В Тарасов. Я там живу.

— Так мы с вами земляки! — обрадовалась Аделаида Леонидовна. — Мы тоже живем в Тарасове, а в Астрахань ездили навестить родственников. А это наш внук Петя!

Аделаида Леонидовна подняла глаза, и я увидела мальчика лет семи-восьми, который сидел на верхней полке, как раз над Хмельницкой, и болтал ногами в полосатых носках. В руках он держал планшетник.

— Петр, сделай милость, убери ноги от моей головы, ты мне испортишь прическу, — строгим голосом сделала она замечание внуку.

— Бабуля, куда же я их уберу? — спросил мальчик, не отрывая глаз от гаджета.

— Не бабуля, а бабушка! Сколько раз я просила называть меня как полагается!

— Ну-у, это же так длинно: ба-бушка... — по слогам протянул мальчик.

— Нисколько не длинно, — возразила Хмельницкая, — слогов ровно столько же!

— Пусть столько же, зато «бабуля» гораздо нежнее, — не сдавался мальчик.

— Так, Петр, хватит мне возражать! Вот, полюбуйтесь на него! — обратилась она ко мне. — Через год ему идти в школу, а он ведет себя как трехлетний ребенок!

— Да? — удивилась я. — А я думала, что он уже школьник. На вид такой рослый мальчик!

— Нет, ему только шесть исполнилось. Вот мы и решили не отдавать его в школу на этот год — зачем же лишать ребенка детства? Вот его мама, моя дочь Изабелла, пошла в школу в шесть лет. И что хорошего? Нас всех извела, сама все время ныла: скучно ей в школе, хочется в куклы поиграть. В общем... — Аделаида Леонидовна махнула рукой.

— Баб, а я тоже не хочу в школу! — по-прежнему впившись глазами в планшетник, произнес внучок. — Я не пойду в школу, я ее взорву к чертовой матери! Пш-ш-ш! Пых-х-х! И нет школы! Вот так!

— Боже! — всплеснула руками Хмельницкая. — Откуда ты нахватался таких слов? От кого ты их перенял? Отвечай!

Борислав, ты слышишь, что говорит твой внук?! Ужас, кошмар! Что люди подумают?

Супруг Хмельницкой все так же неопределенно пожал плечами и продолжал читать. Я тоже была в некотором недоумении. Мне показалось, что мальчик не сказал ничего особенного, из-за чего бы стоило так возмущаться. Некоторые дети гораздо младше него совершенно спокойно употребляют ненормативную лексику.

— Петр, говори сейчас же, кто так выражается? — продолжала допрашивать внука Аделаида Леонидовна.

— Ой, баб, ну чего ты пристала, как банный лист к жопе!

— Что?

Хмельницкая сначала побледнела как мел, потом покраснела как рак. Я уже подумала, что сейчас у нее начнется сердечный приступ. Но она только замахала руками.

— Петр, ты меня доведешь до инфаркта, — слабым голосом наконец проговорила она. — Вот, Татьяна, видите? Вот сейчас и вылезли все изъяны воспитания...

— Что вы, не стоит так переживать, — пробормотала я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Неудобно все-таки сидеть как истукан, когда на твоих глазах разыгрываются такие страсти.

— Ада! — подал голос супруг Хмельницкой, оторвавшись от газеты. — Нельзя ли потише? Я не могу сосредоточиться на чтении.

— Ты только о себе и думаешь! Всегда был черствым, бездушным эгоистом! Твой внук ругается, как пьяный грузчик, а тебе хоть бы хны! — оставив внука в покое, переключилась Хмельницкая на супруга.

— Баб, я не пьяный, — Петя оторвался от своей электронной игрушки и лукаво посмотрел на меня. — Это папа у нас часто пьяный, а мама на него ругается. А моя другая бабушка, папина мама, — это пояснение, очевидно, предназначалось мне, — на маму ругается и говорит: «Если жена хорошая, то муж никогда не будет квасить!». А мама ей: «Это вы воспитали сыночка-алкоголика!» А баба Нина ей...

— Так, Петр, остановись! — Борислав Константинович решительно отложил газету, встал и направился к двери. — Ида, последи же, наконец, за ребенком! Он скоро станет таким же балаболом, как и ты!

— Борис, ты куда? — закричала Хмельницкая ему вдогонку.

— Пойду покурю, у меня от вас голова разболелась! — довольно резко ответил Борислав Константинович и задвинул за собой дверь купе.

— Долго не кури, Слава, — вредно ведь! — прокричала Хмельницкая, но супруг ее, естественно, не услышал.

Мы остались в купе вдвоем, и на какое-то время воцарилась тишина. Я обрадовалась этому, но напрасно: Хмельницкая вскоре пришла в себя, и словесный поток хлынул с новой силой.

— Ах, Татьяна, как же мне не повезло! Вы только представьте себе! Мои предки были родом с Украины. И вот, когда Екатерина Вторая решила пригласить выходцев из Малороссии, мои прадед и прабабка со стороны матери приехали в Поволжье. Тут они сначала добывали соль, потом завели хозяйство, пахали, сеяли, держали корову, еще какую-то живность — в общем, занимались тяжелым крестьянским трудом. Наверное, во мне проявились их гены — ведь я тоже за всю свою жизнь чем только не занималась! По образованию я филолог, окончила наш Тарасовский университет.

Болтливый филолог — страшное дело! Каково же с ней приходится окружаю-

шим? Бедный ее супруг — он ведь вынужден каждый день ее выслушивать, да еще и не по одному часу... Неудивительно, что он не выдержал, сбежал покурить. А интересное у него имя — Борислав: вроде как и Борис, и Слава одновременно. Собственно, и у самой Хмельницкой двойное имя — Ада и Ида. А как в таком случае можно было бы звать меня? Тата и Яна? Ладно, Тата еще куда ни шло, но вот Яна... Нет, я бы ни за что не согласилась на Яну!.. Внезапно я спохватилась, что совсем не слушаю Хмельницкую, — а надо бы, хотя бы ради приличия. О чем она сейчас рассказывает?

— И вот, — продолжала Аделаида Леонидовна, — я ушла из школы. А жаль было, очень жаль: я так привыкла к ученикам, да и они ко мне тоже. Но что было делать, что делать? Семью надо было кормить. Борислав Константинович преподавал в университете, и представляете: ему, с его кандидатской степенью, платили просто копейки! Ужас, кошмар! И я ушла в риелторскую контору. А потом, уже гораздо позже, открыла косметический салон. Кстати, вот вам моя визитка.

М. Серова

■ Хмельницкая достала из сумки визитницу, вынула оттуда розовый кусочек кар-

тона и протянула его мне. «Косметический салон «Мимоза», — прочла я на карточке. Ниже были указаны адрес, телефон и время работы салона.

— Милости прошу! У нас вам сделают и стрижку, и прическу, и маникюр, и педикюр, и косметический массаж. У меня работают специалисты высшего класса, вам понравится.

— Спасибо, обязательно приду, — пообещала я.

А про себя подумала, что моя подруга Светка великолепно делает все перечисленное. И зачем тогда менять хорошего знакомого мастера на неизвестно какого незнакомого?

— Так вот, на чем я остановилась? — саму себя спросила Хмельницкая. — Ах да, я рассказывала о Максике!

Стоп! Кто такой Максик? Любимый кот, что ли? Кажется, я пропустила целый абзац в повествовании этой словоохотливой дамы. Но если честно, не хочу я больше слушать ни о чем — ни о Максике, ни о Барсике, ни о ком-либо еще. Голова уже начинает болеть от всех этих рассказов. Последую-ка я примеру Борислава Константиновича и выйду в тамбур покурить. ■

— Простите, Аделаида Леонидовна, я вас покину, — с вежливой улыбкой произнесла я и, взяв сумку, повернулась к двери.

— Ой, я вас совсем заговорила, извините! Сижу тут, болтаю, а вам, наверное, и неинтересно вовсе, — огорченно сказала Хмельницкая.

Я не стала ее разубеждать и быстренько выскользнула за дверь. Уф, наконец-то можно высунуться в окно и глотнуть свежего ветра!

— Вижу, Аделаида и вас вынудила покинуть купе!

Обернувшись, я увидела Хмельницкого, который только что вышел из тамбура.

— Ничего страшного, ее можно понять, — сказала я. — Надо же как-то скоротать время — в дороге оно так медленно тянется!

Сейчас, когда он не прикрывался газетой, я разглядела его получше. Интересный мужчина, высокий, даже можно сказать стройный для его возраста, с ежиком темных, кое-где тронутых сединой волос и с голубыми глазами. Он смотрел на меня дольше, чем того требовали приличия, и я тоже не сразу отвела взгляд.

— Аделаида Леонидовна — очень интересная собеседница, — произнесла я, чтобы прервать затянувшееся молчание.

— Вы так считаете? — хмыкнул Хмельницкий. — Ада слышит только себя, до других ей дела нет. Когда я читаю лекцию, то всегда делаю паузы, чтобы дать студентам подумать о сказанном. Еще важно задавать вопросы слушателям, чтобы их внимание не рассеивалось, постоянно вовлекать в обсуждение того, о чем идет речь. Такого рода интерактив очень эффективен, могу вас заверить. Во-первых, он позволяет мне сразу вычислить тех, кому моя лекция до лампочки, а во-вторых, побуждает заинтересованную аудиторию к осмыслению услышанного.

— Вы преподаватель? — спросила я.

— Да, преподаю в университете философию.

— Учите студентов смыслу жизни? — улыбнулась я.

— Не совсем так, — мягко возразил Хмельницкий. — Вы, наверное, имеете в виду экзистенциализм? Извольте! Экзистенциальная философия, — воодушевляясь, начал он хорошо поставленным лекторским голосом, — зародилась в рамках